

СУБСИДИАРНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К ФИНАНСОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Очкуренко С. В.

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
г. Киев, Украина*

В статье обосновывается необходимость и объективный характер subsidiарного применения положений гражданского законодательства к финансовым отношениям. Проводится разграничение между аналогией закона и subsidiарным применением законодательства, а также между subsidiарным применением гражданского законодательства к публичным финансовым отношениям и прямым регулированием гражданским правом отношений, которые тесно связаны с публичными финансовыми правоотношениями.

Ключевые слова: subsidiарное применение гражданского законодательства, финансово-правовое регулирование, финансовые правоотношения, гражданское законодательство.

Постановка проблемы. Subsidiарное применение положений гражданского законодательства к финансовым отношениям – это реальное правовое явление. Поэтому оно должно исследоваться в науке финансового права, а результаты исследования должны служить основой для практики правоприменения, а также учитываться в правотворческой деятельности. Однако эта проблема не была предметом научного исследования, что и обуславливает ее актуальность.

Хотя проблема subsidiарного применения положений гражданского законодательства к финансовым отношениям специально не исследовалась, все же определенная методологическая почва для такого исследования юридической наукой создана работами ученых в сфере теории права (Абрамова А. И., Алексеев С. С., Карташов В. Н., Лазарев В. В., Скакун О. Ф.) и гражданского права (Бару М. Н., Харитонов Е. О.).

Целью этой статьи является разработка методологических положений, которые касаются subsidiарного применения положений гражданского законодательства к финансовым отношениям и которые могли бы быть использованы при осуществлении правоприменения и учтены в правотворческой деятельности.

Изложение основного материала исследования. Если исходить из того, что право и правоотношения являются надстройкой над экономическими и другими базисными отношениями, то финансовое право и финансовые правоотношения выступают надстройкой второго уровня. Фактические финансовые отношения являются надстройкой над экономическими и другими отношениями, а право, регулирующее эти отношения, и правоотношения, которые возникают в результате такого регулирования, являются надстройкой второго уровня. Указанное утверждение не опровергается тем обстоятельством, что фактические финансовые отношения не могут существовать

иначе, как в форме финансовых правоотношений [1, с. 8], поскольку неразрывность фактических финансовых отношений и финансовых правоотношений совсем не означает, что первые как данность вообще не существуют.

Сущность финансового права как надстройки второго уровня предопределяет его тесные связи с отраслями права, которые регулируют базисные отношения. Это объективно обуславливает использование положений гражданского законодательства для регулирования финансовых отношений, применение этих положений к финансовым правоотношениям. Правила, которые установлены актами гражданского законодательства, могут регулировать финансовые отношения и применяться к финансовым правоотношениям субсидиарно.

Проблема субсидиарного праворегулирования и правоприменения давно замечена в юридической науке. К ней обращались Абрамова А. И., Бару М. Н., Белоносов В. О., Карташов В. Н., Лазарев В. В., Поленина С. В., Спектор Е. И. и другие ученые. Однако надлежащего понимания понятия субсидиарного правоприменения никогда не существовало. Наипытнейшие ученые допускали досадные ошибки, используя это понятие. Так Скакун О. Ф., характеризуя названное понятие, дважды в небольшом по размеру тексте указывает на возможность или невозможность субсидиарного применения гражданского права «к нормам» трудового, семейного, экологического права [2, с. 647]. Но положения законодательства субсидиарно применяются не «к нормам», а к общественным отношениям, правовое содержание которых неполно определено нормами основной отрасли права. При этом Скакун О. Ф. пишет: «Субсидиарное применение возможно только к нормам, которые включены как дополнительные к законодательным актам о семейных, трудовых и некоторых других отношениях» [2, с. 647]; «... к нормам собственно трудового, семейного, экологического права общие положения гражданского права в порядке субсидиарности применяться не могут» [2, с. 647]. Это последнее утверждение указывает на такие ограничения субсидиарного применения норм гражданского права, которые в ч. 1 ст. 9 Гражданского кодекса Украины не указываются.

Лазарев В. В., который на протяжении длительного времени осуществлял исследование теоретико-правовых аспектов проблем применения права и пробелов в праве, вслед за Карташовым В. Н. обозначает субсидиарное правоприменение как межотраслевую аналогию [3, с. 179]. Такое понимание субсидиарного правоприменения сохраняется до настоящего времени. Так, в учебнике, который был издан в 2011 г., Скакун О. Ф. определяет субсидиарное применение норм права как «решение дела или отдельного юридического вопроса при отсутствии норм в определенной отрасли права... при помощи дополнительного использования норм другой родственной отрасли права (межотраслевая аналогия)» [4, с. 429–430]. Бару М. Н. [5, с. 17], Карташов В. Н. [6, с. 30] признавали возможность субсидиарного правоприменения при отсутствии пробелов в законодательстве, но они также писали о преодолении пробелов в законодательстве с помощью субсидиарного правоприменения.

Между тем, субсидиарное правоприменение и аналогия закона – это разные понятия и правовые конструкции. Аналогия закона – это способ заполнения существующих в законодательстве пробелов на стадии правоприменения. При этом ч. 1 ст. 8 Гражданского кодекса Украины не допускает межотраслевой аналогии, в то время

как ст. 8 Гражданского процессуального кодекса Украины и ст. 9 Кодекса административного судопроизводства Украины не исключают межотраслевой аналогии (имеется в виду, что термин «подобные отношения» как условие применения аналогии закона может толковаться и так, что подобными могут быть и отношения, входящие в предмет разных отраслей права). Субсидиарное правоприменение прописывается законодателем, который при урегулировании отношений, являющихся предметом определенной отрасли права, имеет возможность выбора: сформулировать в законе новые специальные положения, принадлежащие к этой отрасли или урегулировать эти же отношения указанием на применение положений законодательства другой отрасли. И в одном, и в другом случае пробелов в законодательстве нет, что не дает возможность вести речь об использовании в таких случаях аналогии закона. Относительно случаев, когда в законодательном акте содержится указание о применении положений, которые распространяются на одни отношения, к другим отношениям, Харитонов Е. О. применяет термин «легальная аналогия». При этом он правильно указывает на то, что «легальная аналогия» не направлена на преодоление пробелов [7, с. 79–80]. Но термин «легальная аналогия» содержит в себе внутреннее противоречие, ибо аналогия предусматривает наличие пробелов, а легальное определение правовых норм, подлежащих применению, исключает наличие пробелов.

Следует обратить внимание, что в ч. 1 ст. 9 Гражданского кодекса Украины речь идет о применении для урегулирования отношений, которые возникают в сфере использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, а также к трудовым и семейным отношениям, положений Гражданского кодекса, а не норм гражданского права и даже не норм гражданского права, установленных Гражданским кодексом Украины.

Ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Украины также устанавливает, что к имущественным отношениям, основанным на административном или другом властном подчинении одной стороны другой стороне, а также к налоговым, бюджетным отношениям гражданское законодательство не применяется, если иное не установлено законом. Это существенное ограничение субсидиарного применения положений гражданского законодательства, которое распространяется практически на все финансовые отношения и, которое, безусловно, подлежит исполнению органами правоприменения. Вместе с тем, оно не исключает такого субсидиарного применения. Ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Украины формулирует общее правило, которое действует, «если иное не установлено законом». Причем, по нашему мнению, иное может быть установлено законом не только в случаях прямой ссылки на гражданское законодательство, но и в тех случаях, когда законодатель в финансово-правовых целях прямо использует категории и конструкции гражданского законодательства без их отдельного урегулирования актами финансового законодательства. Например, режим налогообложения конкретного субъекта всегда зависит от его гражданско-правового статуса и того, какие сделки он использует в своей деятельности. С другой стороны, нецелесообразно и вряд ли возможно полностью продублировать в тексте Налогового кодекса все гражданско-правовые термины и положения, которые могут повлиять на режим налогообложения.

П. 1 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации предусмотрено, что «институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодатель-

ства Российской Федерации, используемые в настоящем Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом». В п. 5.3 ст. 5 Налогового кодекса Украины указано, что «другие термины, которые используются в этом Кодексе и не определяются им, используются в значении, установленном другими законами». Поскольку значение терминов раскрывается не только в определениях соответствующих понятий, а и в законодательных положениях, устанавливающих правовые нормы, п. 1 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации и п. 5.3. ст. 5 Налогового кодекса Украины следует толковать как предписание субсидиарного применения к налоговым отношениям, в частности, норм гражданского права.

Бюджетный кодекс Украины прямо не устанавливает подобного положения. Нет такого прямо закрепленного положения и в Бюджетном кодексе Российской Федерации. Но это, на наш взгляд, не означает невозможность субсидиарного применения к бюджетным отношениям положений гражданского законодательства, если в Бюджетном кодексе прямо употребляется соответствующее гражданско-правовое понятие. Так, когда в статье Бюджетного кодекса, которая закрепляет норму бюджетного (финансового) права, используется понятие юридического лица, то это означает возможность применения к соответствующим бюджетным (финансовым) отношениям положений гражданского законодательства, определяющих признаки юридических лиц. При ином толковании мы должны будем прийти к выводу, что предписания Бюджетного кодекса, адресованные юридическим лицам, не подлежат применению, поскольку бюджетное законодательство не содержит необходимого набора признаков, позволяющих идентифицировать субъекта как юридическое лицо. Таким образом, считаем, что прямое использование в финансовом законодательстве понятий, терминов или конструкций, сформулированных исключительно гражданским законодательством, означает установление законом исключения из правила ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Украины о запрете использования гражданского законодательства к финансовым правоотношениям. Вместе с тем, учитывая масштабы использования гражданско-правовых конструкций в публично-правовых отношениях, и во избежание разных подходов в практике правоприменения, вышеуказанную формулировку ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Украины: «если иное не установлено законом» целесообразно изложить в редакции: «если иное не установлено или не следует из содержания закона».

Одной из наиболее существенных особенностей субсидиарного применения гражданского законодательства к финансовым отношениям является то, что оно не изменяет отраслевую принадлежность финансовых правоотношений. Так, если в формулировке Бюджетного кодекса Украины используются слова «юридическое лицо», то возникшие в результате ее действия правоотношения остаются бюджетными (финансовыми), хотя и предполагают дополнительное использование цивилистического нормативного материала. Из этого следует, что к таким отношениям также подлежат применению принципы и общие нормы именно бюджетного (финансового), а не гражданского законодательства.

Аналогичная ситуация возникает в тех случаях, когда при формулировании норм финансового права законодатель использует термины «солидарная обязанность» или

«солидарная ответственность». Карасева М. В. сделала вывод о том, что институт солидарных должников в налоговом праве является комплексным, гражданско-налоговым, а само явление использования гражданско-правовых институтов в сфере налогообложения квалифицирует как гражданско-правовую детерминацию налогового правотворчества и налогового правоприменения [8, с. 21–22]. Можно было бы согласиться с утверждением о том, что в налоговом законодательстве существует комплексный институт солидарных должников, в состав которого входят положения налогового и гражданского законодательства, устанавливающие финансово-правовые нормы, которые регулируют налоговые (финансовые) отношения. Признание такого комплексного института может быть конструктивным, по меньшей мере, для учебных целей: при изучении дисциплин, соответствующих отраслям права, всегда целесообразно на конкретных примерах показывать межотраслевые связи между правовыми положениями и их группами. Но Карасева М. В. ведет речь о комплексном гражданско-налоговом институте солидарных должников «в налоговом праве». Существование межотраслевых институтов внутри налогового права вообще исключается. Ошибка Карасевой М. В. обусловлена как раз той квалификацией, которую она дает применению положений гражданского законодательства к налоговым (финансовым) правоотношениям. В определенном аспекте тут действительно, как это утверждает Карасева М. В., имеет место детерминация, если признавать такую ее разновидность как детерминация телеологическая. Но использование этой философской категории в данном случае лишено конструктивного характера, так как только вуалирует суть вещей и подталкивает к выводам, не соответствующим этой сущности. Наоборот, квалификация применения к налоговым солидарным обязательствам (налоговой солидарной ответственности) положений гражданского законодательства как субсидиарного правоприменения открывает возможность для выводов, которые соответствуют логике связей между соответствующими правовыми явлениями и которые заключаются в следующем: 1) положения гражданского законодательства применяются к налоговым отношениям в части, не урегулированной положениями налогового (финансового) законодательства; 2) субсидиарное применение положений гражданского законодательства к налоговым отношениям ни в коей мере не изменяет отраслевую принадлежность налоговых правоотношений. Они остаются налоговыми, финансовыми, публичными; 3) положения гражданского законодательства, которые субсидиарно применяются к налоговым отношениям, только по своему информационному содержанию остаются гражданскими. По своей правовой форме они становятся налоговыми, финансовыми, публичными даже тогда, когда законодатель использует термин «солидарная имущественная ответственность» (п. 99.2 ст. 99 Налогового кодекса Украины). Имеется в виду, что, хотя финансовые отношения вслед за Ровинским Ю. А. определяют властно-имущественными почти все ученые, законодатель обычно избегает при формулировании норм налогового права использовать термин «имущество» и производные от него слова. С другой стороны, термин «имущество» и производные от него слова для законодателя являются обычными, когда он формулирует нормы гражданского права.

Обратим внимание, что в Налоговом кодексе Украины используется термин «солидарная ответственность» (п. 98.3 ст. 98; п. 99.2 ст. 99). Если при толковании

п. 99.2 ст. 99 это не создает трудностей, поскольку речь идет о лице, обязанном также исполнять «денежные обязательства», то при толковании п. 98.3 ст. 98 Налогового кодекса Украины возникает нелегкая задача доказать, что термин «солидарная ответственность» охватывает собой и соответствующую обязанность, которая, по логике вещей, также должна быть солидарной. Более удачным представляется использование термина «солидарная обязанность по уплате налогов». Этот термин используется в п. 7 ст. 50 Налогового кодекса Российской Федерации. Из такой формулировки следует, что и ответственность за нарушение солидарной обязанности должна быть солидарной. Поэтому, в п. 98.3 ст. 98 Налогового кодекса Украины целесообразно внести изменения, указав на солидарную обязанность уплатить налог.

Оригинальная правовая конструкция установлена п. 4 ст. 93–4 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Речь идет об исковой давности сроком пять лет, которая устанавливается по требованиям Российской Федерации относительно возврата бюджетных средств. Но эти требования, как и правоотношения, в содержание которых они входят, имеют разную правовую природу. Ст. 93–2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, устанавливающая предоставление бюджетных кредитов публично-правовым образованиям и юридическим лицам, предусматривает их предоставление в гражданско-правовой форме, а из статьи 93–3 Бюджетного кодекса, предусматривающей предоставление межбюджетных кредитов, следует, что такие кредиты предоставляются в публично-правовой форме. И первые (гражданские), и вторые (финансово-правовые) отношения в ст. 93–4 Бюджетного кодекса Российской Федерации именуется обязательствами перед Российской Федерацией. К обоим этим случаям обязательств применяются положения, установленные Гражданским кодексом Российской Федерации относительно исковой давности. Но к гражданским обязательствам, предусмотренным ст. 93–2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, указанные правовые положения применяются прямо, а к финансовым обязательствам – субсидиарно. Последнее не означает возникновения публично-частных отношений, так как финансовые (публичные) правоотношения вследствие применения к ним положений гражданского законодательства не утрачивают своего публичного характера, а положения гражданского законодательства об исковой давности вследствие такого правоприменения приобретают характер публично-правовых норм.

Субсидиарное применение положений гражданского законодательства к налоговым отношениям может иметь место и в силу прямого специального указания законодателя. Так, согласно абз. 1 п. 99.1 ст. 99 Налогового кодекса Украины денежные обязательства физического лица в случае его смерти или объявления судом умершим выполняются его наследниками, которые приняли наследство в пределах стоимости наследуемого имущества и пропорционально доли в наследстве на дату его открытия. Здесь формулируется налогово-правовая норма. И любого другого юридического содержания в цитированном законодательном положении нет. Но порядок предъявления контролирующим органом требований к наследникам налоговым законодательством не устанавливается. Поэтому абз. 2 п. 99.1 ст. 99 Налогового кодекса Украины предусматривает, что претензии к наследникам предъявляются в порядке, установленном гражданским законодательством для предъявления претензий кредиторами наследодателя. На основании этого законодательного положения к нало-

говым правоотношениям subsidiарно применяется ст. 1281 Гражданского кодекса Украины.

Следует, однако, учитывать, что указание в актах финансового законодательства о применении к соответствующим отношениям положений актов гражданского законодательства, не всегда означает subsidiарное применение таких положений. Достаточно часто законодатель таким образом указывает на случаи, когда положение гражданского законодательства применяется прямо для регулирования гражданских отношений, которые тесно связаны с финансовыми отношениями. Так, п. 6 ст. 74 Налогового кодекса Российской Федерации предусматривает, что к правоотношениям, возникающим при установлении поручительства в качестве меры по обеспечению исполнения обязанности по уплате налога, применяются положения гражданского законодательства Российской Федерации, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах. В научной литературе высказываются разные позиции по поводу отраслевой принадлежности налогового поручительства. Гетьманцев Д. А. отрицает гражданско-правовой характер этой правовой конструкции [9, с. 14]. Это его утверждение базируется на разграничении публичного и частного права по критерию метода правового регулирования. Публичное право использует императивный метод, а гражданское – диспозитивный метод, который описывается им как право сторон договора отступить от положений законодательства. Но и императивных норм в гражданском праве множество. Поэтому используемый Гетьманцевым Д. А. критерий разграничения публичных и частных отношений не является универсальным для всех случаев отраслевой квалификации нормативных положений.

Карасева М. В. утверждает, что правовой режим поручительства в сфере налогообложения является равнозначным таковому в гражданском праве, что эта правовая конструкция «работает» за пределами налогового правоотношения, а поэтому должна сохранять свою гражданско-правовую оригинальность [8, с. 21–22]. С этим утверждением следует согласиться, заметив, что автоматическое применение норм гражданского права о поручительстве к отношениям по обеспечению исполнения налоговой обязанности является невозможным, поскольку гражданское законодательство предусматривает, что поручительством обеспечивается выполнение гражданских обязательств. Поэтому совершенно необходимым является общее указание в налоговом законодательстве на возможность применения поручительства с целью обеспечения выполнения обязанности по уплате налогов и сборов. Поручитель добровольно вступает в гражданское правоотношение с налоговым органом и в пределах этого правоотношения принимает на себя обязанности и ответственность, которые несет плательщик налога в обеспеченном поручительством налоговом правоотношении. Отсюда правоотношение по налоговому поручительству сохраняет свою гражданско-правовую природу, хотя содержание, объем прав, обязанностей и ответственности поручителя определяется, исходя из закона, объема обязанностей и ответственности налогоплательщика в налоговом правоотношении.

Сравнение Налогового кодекса Украины и Налогового кодекса Российской Федерации показывает, что публичный элемент в отношениях по обеспечению исполнения обязанности по уплате налогов и сборов в законодательстве Украины выражен более ярко. Так, Налоговый кодекс Украины в отличие от Налогового кодекса Рос-

сийской Федерации не предусматривает заключения договора налогового залога, а основанием его возникновения устанавливает юридические факты налогово-правового характера. Но ярко выраженные публично-правовые элементы в положениях Налогового кодекса Украины по залогам не превращают налоговый залог в финансово-правовое явление. По своей сути оно остается явлением гражданско-правовым. Эта сущность выражается в праве залогодержателя при соответствующих условиях получить удовлетворение за счет заложенного имущества преимущественно перед другими лицами, имеющими имущественные права в отношении к залогодателю (ст. 572 Гражданского кодекса Украины). Преимущественное право залогодержателя перед другими лицами – это право на вещь, которое не может быть иным, нежели гражданским правом. Но к вещному праву права залогодержателя, в том числе, и при налоговом залоге, не могут быть сведены. Чанышева А. Р. убедительно доказала, что залог как способ обеспечения и исполнения гражданских обязательств включает в себя вещную и обязательственную составляющую [10, с. 42–56]. Гражданско-правовая обязательственная составляющая при налоговом залоге не имеет места. Даже в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации, предусматривающем заключение договора залога во исполнение обязанности уплатить налоги и сборы, правоотношения между налогоплательщиком и налоговым органом по залогам следует квалифицировать как налоговые, поскольку в основной своей части относительно обязанностей плательщика налогов перед налоговым органом, они обеспечиваются налоговой санкцией, которая предусмотрена ст. 125 Налогового кодекса Российской Федерации. В соответствии со ст. 124 Налогового кодекса Украины нарушение порядка отчуждения плательщиком налогов имущества, находящегося в налоговом залоге, также влечет применение штрафных (финансовых) санкций. Однако субсидиарное применение норм, установленных актами гражданского законодательства, к относительным правоотношениям по налоговому залогам не исключается. Условием такого правоприменения является неурегулированность этих отношений не только Налоговым кодексом, но и другими налоговыми законами и подзаконными правовыми актами. Таким подзаконным актом и является Порядок применения налогового залога органами доходов и сборов, который был утвержден приказом Министерства доходов и сборов Украины от 10 октября 2013 г. № 572, в соответствии с полномочиями, предоставленными ему п. 93.3 ст. 93 Налогового кодекса Украины.

Поэтому позиция Карасевой М. В., согласно которой налоговый залог, как и налоговое поручительство, используются в сфере налогообложения в чистом гражданско-правовом виде [8, с. 21–22] является правильной лишь относительно вещно-правовой составляющей правоотношений по налоговому залогам.

Если же залогодателем является третье лицо, которое обозначается в ч. 1 ст. 538 Гражданского кодекса Украины как имущественный поручитель, то вещно-правовая составляющая налогового залога сохраняет свою гражданско-правовую природу. В Украине применение имущественного поручительства как способа обеспечения налоговых обязанностей не предусматривается. Но в России такой способ используется. Поэтому проблема отраслевой принадлежности относительного правоотношения по налоговому залогам в таких случаях представляет теоретический интерес. Поскольку такое правоотношение возникает на основании договора между субъектами, которые не подчинены один

другому, оно должно квалифицироваться как гражданское. Этот вывод ставится под сомнение ст. 125 Налогового кодекса Российской Федерации, которая устанавливает штраф за несоблюдение порядка владения, пользования и (или) распоряжения имуществом, относительно которого налоговым органом осуществлены обеспечительные меры в виде залога. При этом названная статья не содержит никакого указания на субъект названного правоотношения. Следовательно, таковым может быть любой залогодатель, в том числе и имущественный поручитель. Таким образом, действующий Налоговый кодекс Российской Федерации за нарушение имущественным поручителем гражданско-правовых обязанностей устанавливает налогово-правовые санкции. Здесь нет теоретической чистоты. Но законодатель не лишен права отступать от теоретических постулатов для достижения цели, которую он оценивает как цель, ради которой можно пойти на отступление от теоретических схем. Что касается перспектив совершенствования законодательства, то они могут заключаться в установлении императивного требования о включении в договор налогового залога обязательного условия об ответственности залогодателя – имущественного поручителя за нарушение обязательства налогового залога в том же размере, в котором отвечает залогодатель – плательщик налога.

Нет необходимости в субсидиарном правоприменении в случаях осуществления государственных займов и предоставления кредитов за счет бюджетных средств, поскольку на такие отношения положения гражданского законодательства распространяются прямо. Утверждение о том, что такие отношения регулируются финансовым правом [11, с. 12], игнорируют то обстоятельство, что в такие отношения соответствующие субъекты вступают на основе вольного волеизъявления. Что касается Бюджетного кодекса Украины, то он даже предусматривает при осуществлении государственных займов принятие обязательств от имени Украины с условием об отказе от суверенного иммунитета в возможных судебных делах, связанных с возвратом кредитов (займов) (ч. 5 ст. 16 Бюджетного кодекса Украины).

Финансовое право регулирует лишь те отношения, в пределах которых возникают финансово-правовые предпосылки для соответствующих сделок, связанные с принятием решения об осуществлении государственных займов. Но необходимость этих предпосылок не способна исключить гражданский характер правоотношений, о которых идет речь, как и государственный заказ, определенный соответствующим публично-правовым актом, не влияет на гражданско-правовой характер гражданских обязательств, возникающих на основании договоров, которые заключаются в соответствии с государственным заказом. Утверждение об административно-правовом характере таких договоров противоречат закону (ч. 1 ст. 649 Гражданского кодекса Украины; ст. 183 Гражданского кодекса Украины) и не могут рассматриваться как целесообразные.

На основании государственной гарантии (ст. 17 Бюджетного кодекса Украины) также возникают гражданские правоотношения, к которым положения гражданского законодательства применяются прямо, а не субсидиарно. Вместе с тем, следует признать, что к правоотношениям, которые возникают на основании государственной гарантии, положения Гражданского кодекса Украины, которые касаются гарантии, могут применяться только в порядке аналогии закона, ибо прямо они распространяются только на отношения, в которых гарантом выступает банк, другое финансовое учреждение, страховая организация (ст. 560 Гражданского кодекса Украины).

Таким образом, актами финансового законодательства предусмотрено заключение целого ряда гражданско-правовых договоров, а также возможность осуществления односторонних сделок, на основании которых возникают гражданские правоотношения, к которым прямо, а не субсидиарно применяются нормы гражданского законодательства, а также положения финансового законодательства, закрепляющие нормы гражданского права.

Финансовое законодательство предусматривает и заключение сугубо публичных договоров. Сугубо финансово-правовыми являются договора про рассрочку и отсрочку исполнения денежных обязательств плательщиков налогов (ст. 100 Налогового кодекса Украины). Такие договора не влияют на налоговый характер правоотношений, исполнение обязанности в которых производится с отсрочкой или рассрочкой. Поэтому, следует согласиться с суждением Гетьманцева Д. А. о том, что на этот вид договоров не распространяются общие положения об обязательствах и о действительности сделок [9, с. 14]. Однако, к возникающим отношениям возможно применение соответствующих положений Гражданского или Хозяйственного кодексов Украины по аналогии.

Выводы. Изложенное свидетельствует о том, что нормы гражданского права могут субсидиарно применяться к финансовым правоотношениям. Но при этом условием правильного субсидиарного правоприменения является четкое разграничение финансовых и гражданских правоотношений. Поэтому дальнейшие исследования проблемы субсидиарного применения норм гражданского права к финансовым правоотношениям должны вестись наряду с исследованием проблемы разграничения отношений, которые регулируются гражданским правом, с одной стороны, и отношений, которые регулируются финансовым правом, с другой стороны, а также исследованием разграничения норм гражданского и финансового права.

Список литературы:

1. Воронова Л. К. Наука фінансового права та її сучасні завдання / Л. К. Воронова // Фінансове право. – 2007. – № 1 – С. 5–9.
2. Скакун О. Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс) / О. Ф. Скакун. – Х. : Эспада, 2005 – 840 с.
3. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения / В. В. Лазарев. – М. : Юрид. литература, 1974. – 184 с.
4. Скакун О. Ф. Теорія права і держави: [підручник] / О.Ф. Скакун. – К. : Правова єдність, 2011. – 520 с.
5. Бару М. Н. О субсидиарном применении норм гражданского права к трудовым правоотношениям / М. Н. Бару // Советская юстиция. – 1963. – № 14. – С. 16–18.
6. Карташов В. Н. Применение права: [учебное пособие] / В. Н. Карташов – Ярославль : Ярославский государственный университет, 1980. – 74 с.
7. Харитонов Є. О. Нариси теорії цивілістики (поняття та концепти): [монографія] / Є. О. Харитонов – Одеса : Фенікс, 2008. – 464 с.
8. Карасева (Сенцова) М. В. Гражданско-правовая детерминация налогового правотворчества и правоприменения / М. В. Карасева (Сенцова) // Финансовое право. – 2012. – № 4. – С. 21–26.
9. Гетьманцев Д. О. До питання про предмет і метод фінансового права / Д. О. Гетманцев // Фінансове право. – 2008. – № 2. – С. 13–16.
10. Чанишева А. Р. Іпотечні цивільні правовідносини: [монографія] / А. Р. Чанишева. – Одеса : Фенікс, 2009. – 148 с.
11. Худяков А. И. К вопросу о содержании некоторых финансово-правовых категорий / А. И. Худяков // Финансовое право. – 2010 – № 2 – С. 10–13.

Очкуренко С. В. Субсидіарне застосування положень цивільного законодавства до фінансових відносин / С. В. Очкуренко // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 2. – С. 80-90.

У статті обґрунтовується необхідність і об'єктивний характер субсидіарного застосування положень цивільного законодавства до фінансових відносин. Проводиться розмежування між аналогією закону й субсидіарним застосуванням законодавства, а також між субсидіарним застосуванням цивільного законодавства до публічних фінансових відносин і прямих регулюванням цивільним правом відносин, які тісно пов'язані з публічними фінансовими правовідносинами.

Ключові слова: субсидіарне застосування цивільного законодавства, фінансово-правове регулювання, фінансові правовідносини, цивільне законодавство.

SUBSIDIARY APPLICATION OF THE PROVISIONS OF THE CIVIL LAW TO THE FINANCIAL RELATIONSHIP

Ochkurenko S. V.

Kyiv National Taras Shevchenko University, Kiev, Ukraine

According to conventional Ukraine's and other post-Soviet states' doctrine the legal system includes branches of law that are distinguished depending on the subject and method of legal regulation. Subject of law – is the sphere of social relations, which is governed by its legal framework. On the proper qualifications of belonging law branch and public relations depend important legal consequences, as each branch of law has its legal instruments. For example, the judgment may have different meanings, sometimes completely opposite, depending only on the branch of law qualifications of norms or social relations, selected by the judge. Particularly responsible is the choice between public and private law qualifications as regulatory mechanisms differ significantly in public and private law.

Problems of qualification based on that specific social relationships in real life are closely intertwined. Therefore, the legislator often sets the rules of various branches of law in the text of the same regulations, without any clear indication of their branch belonging. However, a particularly difficult finding the right legal solution becomes when legislation does not explicitly establish branch rules that can be applied to a particular situation.

Sometimes this happens due to the imperfection and inadequate legislation. In these cases, lawyers are forced to seek legal provisions governing such relations, that is, to apply the law of analogy.

In other cases, the legislator purposely, in order to optimize the legal regulation directly or indirectly indicates the need for some (auxiliary) rules usage from other legal branch affiliation. Then it comes to the subsidiary application of the provisions of one branch belonging to the relationship, which is located in the regulation of other areas of law. Moreover, according to the author, it is necessary to clearly distinguish between the application of the provisions of civil law by analogy and their subsidiary application.

The article points to the objective necessity of the subsidiary application of civil law to the financial relationship. This is justified by the fact that public financial relations have superstructural nature over civilian relations. For example, the tax treatment of a particular subject always depends on the civil legal status and which transactions it uses in its operations. On the other hand, it is impractical and hardly possible to completely duplicate in the text of the Tax Code, all civil and legal terms and conditions that may affect the taxation regime. In some cases, the legislator to create new financial legal structures also partially uses the civil law (the tax liability, the solidary obligation, the solidary responsibility of taxpayers, etc.), which indicates the current trend of strengthening the interaction of these branches of law.

Thus, the subsidiary application of the provisions of the civil law to the financial relationship are objective and necessary legal reality. However, when using such a right tool is necessary to consider the limits imposed by law and follow from the nature of relations.

The main feature of the subsidiary application is that the civil law is used in this case not for regulation of civil relations, and for the regulation of public financial relations with applications to a particular case of all the principles and general provisions of the financial law. The most difficult cases to distinguish between are cases of use of the subsidiary and cases where the civil law is applied directly to the regulation of relations, which are closely related to financial relationships. In the mentioned cases, to each specific situation are also applied the principles and general rules of civil law, rather than financial law. Therefore, the prospects for further study of the problem of a subsidiary application of the civil law to the financial relationship the author sees in the field of research a wide range of issues on the division of financial and civil relations.

Key words: subsidiary application of the provisions of the civil law, financial legal regulation, financial legal relations, civil legislation.